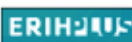
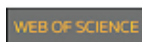

Банман П. П. Заголовки мемуарно-автобиографических текстов о Первой мировой войне : актуализация фрейма «Военный плен» / П. П. Банман // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 9—24. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-9-24.

Banman, P. P. (2021). Titles of Memoir and Autobiographical Texts about First World War: “War Captivity” Frame. *Nauchnyi dialog*, 5: 9-24. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-9-24. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-9-24

Заголовки мемуарно-автобиографических текстов о Первой мировой войне: актуализация фрейма «Военный плен»

Банман Полина Павловна
orcid.org/0000-0002-2842-6818
кандидат филологических наук, доцент
кафедра теории и практики перевода
banman.poly@yandex.ru

Северо-Кавказский
федеральный университет
(Ставрополь, Россия)

Titles of Memoir and Autobiographical Texts about First World War: “War Captivity” Frame

Polina P. Banman
orcid.org/0000-0002-2842-6818
PhD in Philology, Associate Professor
Department of Theory and Practice
of Translation
banman.poly@yandex.ru

North-Caucasus Federal Universit
(Stavropol, Russia)

© Банман П. П., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу фрейма «Kriegsgefangenschaft» / «Военный плен», выявлению его слотов и их наполнению на материале заголовков немецкоязычных мемуарно-автобиографических текстов, написанных военнопленными Первой мировой войны. Отмечается, что данные материалы не становились предметом широкого изучения русскоязычных исследователей. Автор обращает внимание на то, что заголовки, будучи сильной позицией текста, направлены на привлечение внимания потенциального реципиента. Установлено, что в ходе авторской семантизации понятие «плен» подвергается переосмыслению: места пребывания в плену (Россия, Сибирь) описываются как гиблые: лагеря становятся тюрьмой для военнопленных, которые, несмотря на существование защищающих их права конвенций, превращаются в каторжников. Показано, что слот «время» подразумевает либо точное указание на исторический период (годы Первой мировой войны), либо на продолжительность пребывания в плену; в единичных случаях речь идет о возрасте и периоде жизни человека. Установлено, что слот «агент» наполняется антропонимами, указанием на национальность, должность, звание, профессию. Автор приходит к выводу, что выявленные слоты получают свою дальнейшую реализацию на текстовом уровне.

Ключевые слова:

заголовок; военный плен; Первая мировая война; мемуарно-автобиографический текст; мемуарно-автобиографический дискурс; фрейм; слоты фрейма.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of the “Kriegsgefangenschaft” / “War Captivity” frame, the identification of its slots and their filling based on the headings of German-language memoir and autobiographical texts written by prisoners of war of the First World War. It is noted that these materials did not become the subject of a wide study of Russian-speaking researchers. The author draws attention to the fact that headings, being a strong position of the text, are aimed at attracting the attention of a potential recipient. It has been established that in the course of the author’s semantization, the concept of “captivity” is subject to rethinking: places of stay in captivity (Russia, Siberia) are described as disastrous: the camps become a prison for prisoners of war who, despite the existence of conventions protecting their rights, turn into convicts. It is shown that the slot “time” implies either an exact indication of the historical period (the years of the First World War), or the duration of being in captivity; in isolated cases, we are talking about the age and period of a person’s life. It has been established that the “agent” slot is filled with anthroponyms, indicating nationality, position, rank, profession. The author comes to the conclusion that the identified slots get their further implementation at the text level.

Key words:

title; war captivity; World War I; memoir and autobiographical text; memoir and autobiographical discourse; frame; frame slots.

УДК 811.112.2'42:94(100)“1914/19”+82-94(=112.2)“1920/1937”

Заголовки мемуарно-автобиографических текстов о Первой мировой войне: актуализация фрейма «Военный плен»

© Банман П. П., 2021

1. Введение. Постановка проблемы

В современных научных работах ощущается рост интереса исследователей к проблемам отдельного человека в истории, а также изучению как важных, так и и второстепенных исторических событий, свидетелем которых он был, через призму индивидуально пережитого опыта. В результате в круг исследований различных дисциплин вводятся мемуарно-автобиографические тексты: мемуары, автобиографии, воспоминания, письма, — которые могут быть рассмотрены как «ландшафт памяти». В них зафиксирована психология людей определенной эпохи, их положительная или отрицательная оценка происходящего. По отношению ко всему разнообразию текстов, построенных по формуле «о времени и о себе», исследователи используют самые разные названия: *автодокументы, самосвидетельства, эго-тексты, эго-документы (эго-документы), автобиографические тексты, тексты автобиографического характера, источники личного происхождения* и др. Термин *мемуарно-автобиографические тексты* является, на наш взгляд, максимально полно охватывающим все тексты подобного типа и включает в себя произведения, в которых автор на фоне повествования о своей собственной жизни и лично пережитом описывает исторические события, непосредственным участником которых он был, а также людей, с которыми он встречался. Подобные тексты способны не только запечатлеть определенные факты биографии автора, но и представить автора-мемуариста в контексте описываемых событий, общественно и исторически значимых явлений. В результате может быть сконструирован обобщенный образ представителя определенного исторического периода. Именно так в мемуарно-автобиографических текстах конкретные биографические и исторические факты обретают значение образов [Сурина, 2007, с. 7].

Мемуарно-автобиографические тексты, в основе которых находятся воспоминания, во всем своем разнообразии могут быть рассмотрены в рамках мемуарно-автобиографического (или мнемонического) дискурса. Дискурс в рамках нашего исследования определяется как «сложное коммуникативное явление» [ван Дейк, 2000, с. 8], которое «создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, време-

на, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развёртывания дискурса» [Демьянков, 1995, с. 7]. В свою очередь мемуарно-автобиографический дискурс есть «разновидность личностно-ориентированного (художественно-ориентированного) дискурса, в котором отражены личностные представления о тех или иных явлениях, объектах, событиях» [Банман, 2019, с. 29].

В процессе анализа обширного корпуса текстов, относящихся к мемуарно-автобиографическому дискурсу, наш исследовательский интерес вызвали немецкоязычные мемуарно-автобиографические произведения, авторами которых являются военнопленные Первой мировой войны. Данный массив текстов представляет собой воспоминания ее непосредственных участников и свидетелей об ужасах войны. Вся литература о войне, включая мемуаристику, оказывается «в зоне пересечения военного и бытийного дискурсов» [Фахрутдинова, 2008, с. 262], здесь осуществляется репрезентация личностного компонента, раскрывается внутренний мир автора-мемуариста на фоне военной жизни, «которая регламентируется определенными правилами, традициями и опытом, что находит отражение в выборе языковых средств» [Дуброва, 2013, с. 67].

Можно говорить о существовании мемуарно-автобиографического (после)военного дискурса, который мы определяем как совокупность произведений, созданных на основе пережитых авторами (практически исключительно мужчинами) событий военного времени: участием в боевых действиях, попаданием в плен, пребыванием в лагерях для военнопленных и другими событиями, связанными с военной жизнью как непосредственно в период военных действий, так и когда для них военные события закончились пленом.

Воспоминания бывших военнопленных отличаются от других военных мемуарно-автобиографических текстов, по мнению Г. Вурцера [Wurzer, 2000, S. 5], следующим: в связи со специфичностью ситуации, в которой находились военнопленные, и их зависимостью от власти государства-взятеля у авторов не было возможности проиллюстрировать превосходство немецкой нации над своим соперником. Выход мемуаристами был найден в описании ужасов плена и ужасного народа, власти которого пленные должны были подчиниться, и в декларировании духовного, морального, экономического превосходства немецкой нации. Во время войны воспоминания бывших военнопленных публиковались по большей части в газетах и журналах, а после 1917 года стали печататься отдельными книгами и выходили в свет еще в течение почти 20 лет после окончания войны [Ibid.]. Хронология военного плена излагается авторами чаще всего по сле-

дующему сценарию: «участие в боевых действиях; ранение; плен; пребывание в лазарете; переезд и размещение в лагере; жизнь в лагере; пересылка в другой лагерь; побег; возвращение домой» [Банман и др., 2019, с. 660].

Как отмечает И. В. Крючков, в течение долгого времени изучать историю военнопленных на территории России / СССР было не только не принято, но и опасно [Крючков, 2006]. Однако к настоящему времени накоплено большое количество работ, предметом исследования в которых стали условия жизни военнопленных, их медицинское обслуживание, трудовая деятельность, идеологическая работа среди военнопленных, репатриация, воинские захоронения и др. Данные исследования рассматривают военный плен с позиций историзма, предполагающего скрупулезный анализ условий, в которых происходили те или иные события, и позволяющего избежать вольной трактовки прошлого. Дневниковые записи и воспоминания могут содержать некоторые неточности, для них характерен определенный субъективизм. Однако в данном исследовании мы не ставим задачу оценить точность и аутентичность описываемых событий, а извлекаем из текстов ту новую информацию, которую дает мемуарный источник, и этим пополняем имеющиеся знания об эпохе.

Мемуарно-автобиографические тексты военнопленных, повествующие о переломных событиях мировой истории, играющие огромную роль для осознания последствий и результатов войн, представляют интерес и с психологической точки зрения, поскольку по реальным житейским историям можно составить психограмму времени. Мемуары заставляют читающего сопоставлять и анализировать факты из жизни автора, размышлять на ними, принимать свое решение по поводу оценки определенных событий, выбирать «свое» и дистанцироваться от «чужого» и, возможно, задаваться вопросом о том, как бы поступил я в подобной ситуации. Становится возможным и структурирование биограммы определенного исторического периода, «структурной единицы жизненного целого», образованной совокупностью имен и названий, образов и переживаний, понятий и идей, детерминированной когнитивно-прагматическими характеристиками объекта и субъекта текстовой коммуникации [Эпштейн, 2007].

Интересны мемуарно-автобиографические произведения и с точки зрения лингвистики. Далее мы обратимся к анализу заголовков дневниковых записей и текстов воспоминаний с целью выявления слотов фрейма «Kriegsgefangenschaft» / «Военный плен». Материалом исследования является созданный нами корпус немецкоязычных мемуарно-автобиографических текстов, повествующих о Первой мировой войне. Исследование включает два этапа: используя дефиниционный анализ, выявим облигаторные слоты фрейма и, изучив заголовки немецкоязычных текстов, эксплици-

руем наполнение выявленных слотов. В процессе работы мы обращались также к текстам, повествующим о военном плене времен Первой мировой войны, авторы которых являлись писателями и непосредственно в плену не находились. Выбор заголовков для анализа обусловлен тематически-событийно: в большинстве случаев в названии заявлены лексемы «Kriegsgefangenschaft» / «Военный плен» (здесь и далее перевод наш. — П. Б.), либо «Gefangenschaft» / «Плен». Из всего массива текстов были отобраны те, в которых шла речь преимущественно о пребывании в русском плену.

2. Особенности заголовков мемуарно-автобиографических текстов

В формировании мемуарно-автобиографического (после)военного дискурса участвуют относительно однотипные по содержанию заголовки, выступающие одновременно в качестве внетекстового элемента. Обращает на себя внимание частое использование в них единиц семантического поля «Gedächtnis» («Память»), которые сигнализируют о наличии воспоминаний:

— *Erinnerungen* (воспоминания): *Kriegsgefangenen-Erinnerungen; Erinnerungen an meine Flucht ...*;

— *Erlebnisse* (переживания): *Persönliche Erlebnisse...; Erlebnisse eines Arztes...; Erlebnisse eines Arbeiters...; Fluchterlebnisse...*;

— *Eindrücke* (впечатления): *Erlebnisse und Eindrücke eines elsass-lothringischen Kriegsgefangenen...*;

— *Selbsterlebtes* (пережитое лично): *In russischer Kriegsgefangenschaft: Selbsterlebtes; Selbsterlebtes aus Turkestan und Rußland*;

— *Aufzeichnungen* (записки): *Wahrheitsgetreue Aufzeichnungen und Erinnerungen*;

— *Berichte* (рассказы; записки): *Die Flucht von der Murmanbahn: nach den Berichten eines Torgauer Husaren*;

— *Tagebuch* (дневник): *Tagebuch — meiner sibirischen Gefangenschaft*.

Проанализированные заголовки, являясь носителями когнитивной (объективной) и эмоциональной (субъективной) информации, выполняют разнообразные функции, прежде всего номинативную и информативную; использованные в заголовках слова связывают текст в единое смысловое целое. Заголовки реализуют, кроме того, интегративную функцию, подразумевающую использование различных средств связи для развития темы (например, лексических и семантических повторов компонентов заголовка на протяжении развития изложения), и композиционную функцию, облегчая восприятие текста, эксплицируя связи между частями, когда текст состоит из нескольких разделов. Названия текстов могут также отражать авторскую рефлексию по поводу описываемых событий в России, оказывая

эмоциональное воздействие на реципиента. Важной является и контакто-устанавливающая функция заголовка, которая обеспечивает привлечение внимание адресата к тексту.

В результате метафорического переосмысления ключевое понятие «военный плен» оказывается неразрывно связанным с колючей проволокой, ограждавшей лагеря для военнопленных, тем самым в заголовках реализуется экспрессивная функция, например: «*Die Armee hinter Stacheldraht*» («Армия за колючей проволокой») [Dwinger, 1929]. Колючая проволока оказывалась не такой «безобидной штукой» [Корсак, 1927, с. 190], обрачиваясь появлением «невроза колючей проволоки», который наблюдался почти у всех пленных.

Заголовки мемуарно-автобиографических текстов отличаются друг от друга и по объему передаваемой информации, и по структуре. Чаще всего это простые односоставные предложения, например, «*Der Tschainik*» («Чайник») [Meier-Graefe, 1918]. Лишь небольшая часть проанализированных нами заголовков состоит из двух назывных предложений, дополняющих друг друга: «*Robotta. Kriegsgefangenen-Erinnerungen aus Rußland*» («Работа. Воспоминания о военном плене в России») [Behrend, 1920]. Восклицательные предложения используются в заголовочных комплексах крайне редко: «*Skaree! Skaree! Kriegsgefangen unter Zar und Tscheka*» («Скорее! Скорее! В плену при царе и чека») [Steiner, 1930].

Таким образом, заглавия, в которых авторы емко и лаконично, а иногда развернуто и образно зафиксировали свои воспоминания, позволяют использовать их для понимания механизма отражения наиболее важных моментов определенного события в сознании его свидетелей.

3. Фреймовая организация заголовков мемуарно-автобиографических текстов

Заголовки мемуарно-автобиографических текстов военнопленных Первой мировой войны, представляя собой смысловую доминанту текста, являются средой языкового существования фрейма «военный плен», который еще не становился предметом изучения исследователей. Отметим наличие работ, посвященных тематически близким фреймам, например, фрейму «Война» в работе Т. И. Красновой [Краснова, 2017]. Кроме того, анализируя милитарную метафору, А. П. Чудинов описывает такие фреймы, как «Война и ее разновидности», «Военные действия и вооружение», при этом во фрейме «Начало войны и ее итоги» исследователем выделен слот «Начало и завершение военных действий», где плен является одним из результатов завершения военных событий [Чудинов, 2001, с. 104—114].

Будучи универсальной категорией для структурирования реальности, матрицей-сценарием возможного развития событий, схемой, планом, когнитивной единицей, способной представить и накапливать знания об определенной ситуации или классе ситуаций, фрейм представляет собой некий шаблон, который заполняется определенными разворачивающимися во времени ожидаемыми событиями или действиями. Для выявления слотов анализируемого нами фрейма обратимся к классификации С. А. Жаботинской, согласно которой фрейм «военный плен» может быть описан следующим образом: «одна и та же сущность (НЕЧТО) характеризуется по своим количественным, качественным, бытийным, локативным и темпоральным параметрам» [Жаботинская, 2005, с. 55]. Формируется следующий набор препозиций фрейма: есть / существует НЕЧТО (КТО; ЧТО — актер), существующее ТАМ (ГДЕ — место бытия), ТОГДА (КОГДА — время бытия) и являющееся ТАКИМ (КАКИМ — качество).

Из перечисленных параметров в проанализированных заголовках представлены преимущественно локативный и темпоральный компоненты. Метафорическое переосмысление позволяет проиллюстрировать параметр «качество»: в заголовках ниже используются такие лексические единицы, как *Odysee* (одиссея) и *Abenteuer* (приключение), например, «*Schicksale rasen. Meine Weltkriegs-Odysee in Rußland, Sibirien und Persien*» («Безумство судьбы. Моя одиссея во время Мировой войны в России, Сибири и Персии») [Maske, 1931]. Метафорическое восприятие плена в России как ужасного места, в котором испытывают страдания, отражено в следующем заголовке: «*Aus der Hölle empor. Erlebnisse eines aus russischer Kriegsgefangenschaft Ausgetauschten*» («Вырвавшись из ада. Воспоминания о военном плене в России после обмена») [Zuchold, 1917].

Значимым для нашего исследования является представление фрейма в виде двухуровневой структуры, содержащей данные о «существенном и типичном»; в верхний уровень включены «данные, всегда справедливые для подвергаемой анализу ситуации; нижний уровень представляет собой пустые узлы» [Кубрякова и др., 1996, с. 186—188]. Анализ дефиниций лексической единицы *Kriegsgefangenschaft* (военный плен), зафиксированных в разновременных немецкоязычных толковых словарях, в корпусе немецкого языка DWDS-Corpus, свидетельствует о наличии одинакового объема значения слова, не изменившегося с течением времени, и позволяет выделить в структуре фрейма следующие слоты:

Слот «агент»: «*Soldaten*» (военнослужащие).

Поскольку материалом для выявления слотов фрейма «Военный плен» послужили именно заголовки мемуарно-автобиографических текстов, особо выделим слот «агент», который заполняется указанием на конкретные

личные данные: имя, фамилию, возраст, национальность, профессию, звание военнопленного, — что реализует информационную функцию заголовочного комплекса. Авторами текстов, помимо военных, оказываются люди, имеющие разные социальные характеристики, что и отражается в заголовке: «*Ein unbekannter Krieg. Erlebnisse eines Arztes während des Weltkrieges*» («Неизвестная война. Воспоминания одного врача во время мировой войны») [Blond, 1931]; «*Durch Stacheldraht und Steppe, die Flucht eines Neunzehnjährigen aus russischer Gefangenschaft*» («Через колючую проволоку и степи, побег девятнадцатилетнего [парня] из плена в России») [Bülow, 1937].

Слот «место»: «*Land des Feindes*» (страна врага); «*beim Gegner*» (у врага / противника); «*in die Hände ihrer Feinde geraten sind*» (попасть в руки своих врагов). Слот «место» актуализирует топонимику России, таким образом создавая географический образ страны. Помимо самого названия государства *Rossia*, в заголовках упоминаются *Sibirien* (Сибирь); *Ural* (Урал); *Kaukasus* (Кавказ); *Moskowski-Trakt* (Московский тракт); *Murmanbahn* (Мурманская железная дорога) и другие топонимы: «*Rußland. Die Geschichte einer Kriegsgefangenschaft*» («Россия. История одного военного плена») [Meichner, 1937]; «*Meine Abenteuer in Sibirien aus 5 ½-jähriger Kriegsgefangenschaft*» («Мои приключения в Сибири: пять с половиной лет в военном плену») [Koch, 1930]; «*Moskowski-Trakt (In russischer Gefangenschaft)*» («Московский тракт (в русском плену)») [Fleischer, 1930].

Слот «время»: «*im Rahmen einer kriegerischen Auseinandersetzung*» (в рамках военного столкновения); «*während eines Krieges*» (во время войны); «*im Krieg*» (во время войны). В заголовках, приведенных ниже, содержание слота актуализируется за счет указания авторами на

— конкретный отрезок времени: «*Kriegsgefangen in Rußland 1915—1920*» («В военном плену в России 1915—1920») [Hahn, 1926];

— историческое событие: «*Kriegsgefangen in Sibirien. Erlebnisse eines Wiener Landsturmmannes im Weltkrieg*» («В военном плену в Сибири. Пережитое венским ополченцем на мировой войне») [Stoss, 1920];

— период жизни автора текста: «*Begrabene Jugend. Erlebnisse eines deutschen Arbeiters in der Kriegsgefangenschaft*» («Похороненная молодость. Воспоминания немецкого рабочего о военном плене») [Meier, 1937].

Наряду с актуализацией исторических реалий, в частности, событий Великой Октябрьской социалистической революции, противостояния «белых» и «красных», в заголовках реализуются повседневная и бытовая составляющие образа России посредством использования русских слов, написанных на латинице: *Golod*; *Robotta*; *Pascholl*; *Plenny*; *Batjuschka*; *Skaree*; *Tschainik*, например: «*Pascholl Plenny!*» («Пленный, пошел») [Krist, 1936]; «*Der Tschainik*» («Чайник») [Meier-Graefe, 1918].

Поскольку во фрейме «концентрируются» знания о тематически единой ситуации, между выделенными слотами существует тесная взаимосвязь. В следующем развернутом полноинформативном заголовке реализованы все слоты одновременно: «место» (географическая и культурная составляющие образа России), «время» (срок пребывания в плену), «агент» (фамилия, имя, профессия): «*Schwert und Kosakenpeitsche. Erinnerungen an die mehr als 5jährige Kriegsgefangenschaft des Fabrikarbeiters Christian Schmitt in Rußland, Kaukasien und Sibirien*» («Шашка и казацкая нагайка. Воспоминания заводского рабочего Кристиана Шмитта о пятилетнем пребывании в плену в России, на Кавказе и в Сибири») [Schmitt, 1921].

Представим выявленные слоты фрейма «Kriegsgefangenschaft» / «Военный плен» и их наполнение в табличной форме (табл. 1).

Таблица 1

Слоты фрейма «Военный плен» и их наполнение

Имя слота	Наполнение слота
Место	а) Россия: <i>Rußland</i> — Россия, <i>Sibirien</i> — Сибирь, <i>Ural</i> — Урал, <i>Kaukasien</i> — Кавказ; б) другое: <i>Ukraine</i> — Украина;
Время	а) исторический период, историческое событие: <i>Erlebnisse eines deutschen Divisionspfarrers im Weltkrieg 1914–16</i> (Воспоминания немецкого дивизионного священника в Мировую войну 1914—1916 гг.); б) отрезок времени: <i>19 Monate in russisch-sibirischer Kriegsgefangenschaft</i> (19 месяцев плена в России и Сибири); в) период жизни: <i>Begrabene Jugend</i> (Похороненная молодость);
Агент	а) фамилия (имя): <i>Schuffenhauer</i> — Шуффенгауэр, <i>Georg Popper und Adolf Epstein</i> — Георг Поппер и Адольф Эпштейн, <i>Walter Klinkmüller</i> — Вальтер Клинкмюллер и др.; б) возраст: <i>Neunzehnjähriger</i> — девятнадцатилетний, <i>jüngster</i> — самый юный и др.; в) звание, профессия, национальность: <i>österreichischer Offizier</i> — австрийский офицер, <i>Utzf. Schuffenhauer von einem sächs. Landwehr-Regiment</i> — унтер-офицер Шуффенгауэр саксонского полка ландвера, <i>österreichischer Militärarzt</i> — австрийский военный врач, <i>Arzt</i> — врач, <i>deutscher Divisionspfarrer</i> — немецкий дивизионный священник и др.

Заголовки мемуарно-автобиографических текстов военнопленных Первой мировой войны отражают дальнейшее содержание текста и актуализируют его смысл. Текст Й. Мейера «*19 Monate in russisch-sibirischer Kriegsgefangenschaft. Erlebnisse eines deutschen Divisionspfarrers im Weltkrieg 1914–16*» («19 месяцев плена в России и Сибири. Воспоминания

немецкого дивизионного священника в Мировую войну 1914—1916 гг.)) [Meyer, 1916] состоит из 7 глав, каждая из которых называется «*Erster Teil*» («Первая глава»), «*Zweiter Teil*» («Вторая глава») и пр. Однако под такими названиями тезисно указывается содержание, которое отражает разные слоты, например, в первой главе (указываем выборочно): *Das letzte Gefecht auf russischem Boden* (Последний бой на русской земле). — *Die Gefangennahme* (Взятие в плен); во второй главе: *Die Fahrt durchs europäische Russland* (Поездка по европейской части России). — *Russische Eindrücke* (Впечатления о России). — *Über die Wolga* (Через Волгу). — *Durch den Ural* (Через Урал); третья глава: *In Asien* (В Азии). — *Sibirien* (Сибирь). — *Balalaika* (Балалайка). Главы начинаются с указания на время; первая глава: «*Ein frostig kalter, trüber Wintertag brach mit dem 25. November 1914 an*» («25 ноября 1914 был по настоящему холодным мрачным зимним днем») [Ibid., S. 5]; вторая глава: «*Während der Nacht zum ersten Dezember ...*» («В ночь на 1 декабря ...») [Ibid., S. 20]; третья глава: «*14. Dezember*» («14 декабря») [Ibid., S. 27]. На текстовом уровне могут быть выявлены иные слоты и даже отдельные фреймы, например, «болезнь», «смерть» и др.

В ряде случаев в заголовках реализуется слот «побег». Это действие можно квалифицировать как «результат» пребывания в плену: «*Kreuz und quer durch Asien. Erinnerungen an meine Flucht aus russischer Gefangenschaft*» («Через всю Азию. Воспоминания о моем побеге из русского плена») [Fuchs, 1925]; «*Die Flucht von der Murmanbahn: nach den Berichten eines Torgauer Husaren*» («Бегство с Мурманской железной дороги: по рассказам гусара из Торгау») [Schröer, 1917].

Таким образом, анализ заглавий мемуарно-автобиографических текстов, которые разворачивают фрейм «Kriegsgefangenschaft» / «Военный плен», демонстрирует возможность выявления в нем слотов разного содержания, отражающих ключевые понятия всего произведения, благодаря чему названия дневниковых записей и воспоминаний выполняют информативную, экспрессивную, интегративную и композиционную функции.

4. Заключение

Изучение заголовков мемуарно-автобиографических текстов видится необходимым для исследования индивидуальной и коллективной памяти: можно утверждать, что каждое из таких произведений, являясь уникальным эго-документом, повествованием о пережитом субъективном опыте, отражением индивидуальной памяти, в то же время репрезентирует и коллективную память определенной группы людей, чьи воспоминания являются свидетельством эпохального международного события.

Анализ фрейма «Kriegsgefangenschaft» / «Военный плен» позволяет изучать принципы представления и структурирования человеческого опыта посредством языка. Фрейм «Военный плен» представляет собой совокупность слотов, число которых может быть разным в зависимости от материала исследования. Имя каждого слота отвечает требованиям о его уникальности в пределах анализируемого фрейма. Полагаем, что проанализированные нами слоты, извлеченные из заголовочных комплексов текстов о плене во время Первой мировой войны, являются сигналами аутентичности мемуарно-автобиографического произведения. Так, слот «место» эксплицирует топонимы Сибирь, Урал, Кавказ, составляющие географический образ России и являющиеся носителями национально-культурного и исторически обусловленного знания; слот «время» подразумевает либо точное указание на исторический период, а именно годы Первой мировой войны, либо сообщение о продолжительности пребывания автора в плену, в единичных случаях речь идет о возрасте и периоде жизни человека (юности). Слот «агент» наполняется антропонимами, указанием на национальность, должность, звание, профессию. Слоты «место», «время» и «агент» тесно связаны между собой семантическими отношениями, об этом свидетельствуют тематические заголовки, которые воплощают несколько слотов одновременно. Анализ фрейма имеет богатый потенциал для проведения дальнейших исследований, например, на материале мемуарно-автобиографических текстов русских военнопленных того же временного периода, возможно использование и мемуарно-автобиографических текстов (русских, немецких) военнопленных Второй мировой войны, что позволит эксплицировать иное наполнение выявленных нами слотов.

Интерес к мемуарно-автобиографическим произведениям военнопленных определяется важностью многоаспектного исследования представлений человека и социума. Подобные тексты отражают как социокультурные, так и бытовые аспекты восприятия плена людьми разного возраста, социального статуса, профессии. Уже по заголовкам можно судить, как выглядел плен в России в глазах немецких военнопленных в годы Первой мировой войны и после ее окончания. Так в личных воспоминаниях фиксируется мировая история.

Источники и принятые сокращения

1. *Behrend O.* Robotta. Kriegsgefangenen-Erinnerungen aus Rußland / O. Behrend. — Hamburg : Selbstverlag von O. Behrend, 1920. — 69 S.
2. *Blond K.* Ein unbekannter Krieg. Erlebnisse eines Arztes während des Weltkrieges / K. Blond. — Leipzig ; Wien : Anzengruber-Verlag, 1931. — 197 S.

3. *Bülow W. von.* Durch Stacheldraht und Steppe, die Flucht eines Neunzehnjährigen aus russischer Gefangenschaft / W. von Bülow. — München : Beck, 1937. — 310 S.
4. *Dwinger E. E.* Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch 1914—1918 / E. E. Dwinger. — Jena : Diederichs, 1929. — 306 S.
5. *Fleischer R. A.* Moskowsky-Trakt (in russischer Gefangenschaft) / R. A. Fleischer. — Leipzig : Richter, 1930. — 128 S.
6. *Fuchs P.* Kreuz und quer durch Asien. Erinnerungen an meine Flucht aus russischer Gefangenschaft / P. Fuchs. — Leipzig : Koehler & Amelang, 1925. — 135 S.
7. *Hahn G.* Kriegsgefangen in Rußland 1915—1920 / G. Hahn. — Mainz : Volkszeitung, 1926. — 112 S.
8. *Koch P.* Meine Abenteuer in Sibirien aus 5 1/2 jähriger Kriegsgefangenschaft / P. Koch. — Salzburg : Selbstverlag, 1930. — 32 S.
9. *Krist G.* Pascholl Plenny! / G. Krist. — Wien : Seidel & Sohn Verlag, 1936. — 452 S.
10. *Maske F.* Schicksale rasen. Meine Weltkriegs-Odyssee in Rußland, Sibirien und Persien / F. Maske. — Stuttgart : Verlag Robert Lutz, 1931. — 206 S.
11. *Meichner F.* Rußland. Die Geschichte einer Kriegsgefangenschaft / F. Meichner. — Leipzig : O. Janke, 1937. — 127 S.
12. *Meier H.* Begrabene Jugend. Erlebnisse eines deutschen Arbeiters in der Kriegsgefangenschaft / H. Meier. — Reichenberg : Kraus, 1937. — 137 S.
13. *Meier-Graefe J.* Der Tscheinik / J. Meier-Graefe. — Berlin : S. Fischer, 1918. — 401 S.
14. *Meyer J. C.* 19 Monate in russisch-sibirischer Kriegsgefangenschaft. Erlebnisse eines deutschen Divisionspfarrers im Weltkrieg 1914—16 / J. C. Meyer. — Bad Kissingen : Selbstverlag des Verfassers, 1917. — 96 S.
15. *Schmitt C.* Schwert und Kosakenpeitsche. Erinnerungen an die mehr als 5jährige Kriegsgefangenschaft des Fabrikarbeiters Christian Schmitt in Rußland, Kaukasien und Sibirien / C. Schmitt. — Eberbach am Neckar : H. Kahlsdorf, 1921. — 109 S.
16. *Schröer G.* Die Flucht von der Murmanbahn : nach den Berichten eines Torgauer Husaren / G. Schröer. — Berlin : Grotesche Verlagsbuchh., 1917. — 210 S.
17. *Steiner L.* Skarree, Skarree! Kriegsgefangen unter Zar und Tschecha / L. Steiner. — Innsbruck : Tyrolia Verlag, 1930. — 139 S.
18. *Stoss E.* Kriegsgefangen in Sibirien. Erlebnisse eines Wiener Landsturmmannes im Weltkriege / E. Stross. — Wien : Selbstverlag — Wien-Klosterneuburg, Höfel, 1920. — 206 S.
19. *Zuchold H.* Aus der Hölle empor. Erlebnisse eines aus russischer Kriegsgefangenschaft Ausgetauschten / H. Zuchold. — Berlin : Scherl, 1917. — 145 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Банман П. П.* Мемуарно-автобиографические тексты переживших холокост : специфика перевода / П. П. Банман // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем : сб. статей. — Ставрополь : Ставропольское издательство «Параграф», 2019. — С. 27—34.
2. *Банман П. П.* Фрейм «военный плен» в немецком мемуарно-автобиографическом дискурсе / П. П. Банман, А. А. Леглер // Когнитивные исследования языка. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике : сборник статей. — Нижний Новгород : Издательство ДЕКОМ, 2019. — С. 659—664.
3. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.

4. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX века : сборник статей. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 1995. — С. 239—320.
5. Дуброва Ю. Ю. Особенности военного дискурса / Ю. Ю. Дуброва // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — Выпуск 5 (665). — С. 59—68.
6. Жаботинская С. А. Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети / С. А. Жаботинская // *Złoto z perspektywy językoznawcy i tłumacza* : сборник статей. — Gdansk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2005. — Pp. 53—62.
7. Корсак В. В. Плен / В. В. Корсак. — Париж : Родник, 1927. — 240 с.
8. Краснова Т. И. Антибольшевистский газетный дискурс 1918—1919 годов : фреймы «война» и «болезнь» / Т. И. Краснова // Филология и человек. — 2017. — № 3. — С. 129—139.
9. Крючков И. В. Военнопленные стран Тройственного союза в Ставропольской губернии в 1914—1915 гг. / И. В. Крючков // Новая локальная история : сборник статей. — Ставрополь : СГУ, 2006. — С. 130—141.
10. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва : Филол. факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 205 с. — ISBN 5-89042-018-1.
11. Сурина А. В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Сурина. — Екатеринбург, 2007. — 21 с.
12. Фахрутдинова Д. Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса / Д. Р. Фахрутдинова // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150. — Книга 2. — С. 259—266.
13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.
14. Эпштейн М. Н. Жизнь как тезаурус / М. Н. Эпштейн // Консультативная психология и психотерапия. — 2007. — Том 15. — № 4. — С. 47—56.
15. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg / G. Wurzer : Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie. — Ehingen/Donau, 2000. — 599 S.

MATERIAL RESOURCES

- Behrend, O. (1920). *Robotta. Kriegsgefangenen-Erinnerungen aus Rußland*. Hamburg: Selbstverlag von O. Behrend. 69 S. (In Germ).
- Blond, K. (1931). *Ein unbekannter Krieg. Erlebnisse eines Arztes während des Weltkrieges*. Leipzig; Wien : Anzengruber-Verlag. 197 S. (In Germ).
- Bülow, W. von. (1937). *Durch Stacheldraht und Steppe, die Flucht eines Neunzehnjährigen aus russischer Gefangenschaft*. München: Beck. 310 S. (In Germ).
- Dwinger, E. E. (1929). *Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch 1914—1918*. Jena: Diederichs. 306 S. (In Germ).

- Fleischer, R. A. (1930). *Moskowski-Trakt (in russischer Gefangenschaft)*. Leipzig: Richter. 128 S. (In Germ).
- Fuchs, P. (1925). *Kreuz und quer durch Asien. Erinnerungen an meine Flucht aus russischer Gefangenschaft*. Leipzig: Koehler & Amelang. 135 S. (In Germ).
- Hahn, G. (1926). *Kriegsgefangen in Rußland 1915—1920*. Mainz: Volkszeitung. 112 S. (In Germ).
- Koch, P. (1930). *Meine Abenteuer in Sibirien aus 5 ½ jähriger Kriegsgefangenschaft*. Salzburg: Selbstverlag. 32 S. (In Germ).
- Krist, G. (1936). *Pascholl Plenny!* Wien: Seidel & Sohn Verlag. 452 S. (In Germ).
- Maske, F. (1931). *Schicksale rasen. Meine Weltkriegs-Odyssee in Rußland, Sibirien und Persien*. Stuttgart: Verlag Robert Lutz. 206 S. (In Germ).
- Meichner, F. (1937). *Rußland. Die Geschichte einer Kriegsgefangenschaft*. Leipzig: O. Janke. 127 S. (In Germ).
- Meier, H. (1937). *Begrabene Jugend. Erlebnisse eines deutschen Arbeiters in der Kriegsgefangenschaft*. Reichenberg: Kraus. 137 S. (In Germ).
- Meier-Graefe, J. (1918). *Der Tscheinik*. Berlin: S. Fischer. 401 S. (In Germ).
- Meyer, J. C. (1917). *19 Monate in russisch-sibirischer Kriegsgefangenschaft. Erlebnisse eines deutschen Divisionspfarrers im Weltkrieg 1914—16*. Bad Kissingen: Selbstverlag des Verfassers. 96 S. (In Germ).
- Schmitt, C. (1921). *Schwert und Kosakenpeitsche. Erinnerungen an die mehr als 5jährige Kriegsgefangenschaft des Fabrikarbeiters Christian Schmitt in Rußland, Kaukasien und Sibirien*. Eberbach am Neckar: H. Kahlsdorf. 109 S. (In Germ).
- Schröer, G. (1917). *Die Flucht von der Murmanbahn: nach den Berichten eines Torgauer Husaren*. Berlin: Grotesche Verlagsbuchh. 210 S. (In Germ).
- Steiner, L. (1930). *Skarree, Skarree! Kriegsgefangen unter Zar und Tscheka*. Innsbruck: Tyrolia Verlag, 1930. — 139 S. (In Germ).
- Stoss, E. (1920). *Kriegsgefangen in Sibirien. Erlebnisse eines Wiener Landsturmmannes im Weltkriege*. Wien: Selbstverlag — Wien-Klosterneuburg, Höfel. 206 S. (In Germ).
- Zuchold, H. (1917). *Aus der Hölle empor. Erlebnisse eines aus russischer Kriegsgefangenschaft Ausgetauschten*. Berlin: Scherl. 145 S. (In Germ).

REFERENCES

- Banman, P. P. (2019). Memoir-autobiographical texts of Holocaust survivors: specifics of translation. *Isomorphic and allomorphic features of language systems: collection of articles*. Stavropol: Stavropol publishing house "Paragraph". 27—34. (In Russ.).
- Banman, P. P., Legler, A. A. (2019). Frame "military captivity" in the German memoir-autobiographical discourse. *Cognitive studies of language. Integrative processes in cognitive linguistics: a collection of articles*. Nizhny Novgorod: DEKOM Publishing House. 659—664. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2001). *Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors (1991—2000): monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. un-t. 238 p. ISBN 5-7186-0277-8. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1995). Dominating linguistic theories at the end of the XX century. *Language and science of the end of the XX century: collection of articles*. Mo-

- scow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 239—320. (In Russ.).
- Dijk, T. A. van. (2000). *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: I. A. Baudouin de Courtenay BGC. 308 p. (In Russ.).
- Dubrova, Yu. Yu. (2013). Features of military discourse. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 5 (665): 59—68. (In Russ.).
- Epstein, M. N. (2007). Life as a thesaurus. *Consultative psychology and psychotherapy*, 15 (4): 47—56. (In Russ.).
- Fakhrutdinova, D. R. (2008). Structuring the genre space of the military institutional discourse. *Scientific notes of the Kazan State University. Humanities*, 150 (2): 259—266. (In Russ.).
- Korsak, V. V. (1927). *Booty*. Parishioner. 240 p.
- Krasnova, T. I. (2017). Anti-Bolshevik newspaper discourse of 1918—1919: frames “war” and “disease”. *Philology and Man*, 3: 129—139. (In Russ.).
- Kryuchkov, I. V. (2006). POWs of the countries of the Triple Alliance in the Stavropol province in 1914—1915. *New local history: a collection of articles*. Stavropol: SSU. 130—141. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: Philol. Faculty of Lomonosov Moscow State University. 205 p. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).
- Surina, A. V. (2007). *Metaphorical modeling of Russian reality in the memoirs of political leaders of the post-Soviet era*. Author’s of PhD Diss. Yekaterinburg. 21 p. (In Russ.).
- Wurzer, G. (2000). *Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie*. Ehingen/Donau. 599 S. (In Germ.).
- Zhabotinskaya, S. A. (2005). Lexical meaning: principles of constructing a conceptual network. *Złoto z perspektywy językoznawcy i tłumacza: collection of articles*. Gdansk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdanskiego. 53—62. (In Russ.).